

Отзыв

официального оппонента

о диссертации **Ивашова Максима Валентиновича**

«Памятники катакомбного времени на Верхнем Дону»,

представленной на соискание ученой степени кандидата исторических

наук по специальности 07.00.06 - Археология в диссертационный совет

Д 212.038.12, созданный на базе ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

Освоение регионов во все эпохи сопровождалось увеличением численности населения. Перемещения отдельных индивидов, групп или носителей целых культур было сложным историческим процессом, вызванным целым рядом разнообразных факторов – климатическими переменами, экономической стратегией, проложением новых путей товарообмена. Такие перемещения могли иметь статус миграции, постепенной инфильтрации населения в новые регионы, сезонного освоения ресурсных пастбищных систем, освоением торговых путей. И они всегда сопровождались переменами – менялось, контактируя с пришлыми носителями, местное население; менялись, взаимодействуя, сами «переселенцы», и в итоге – менялся сам «культурный контекст» регионов. Все это должно было найти отражение в многокомпонентном археологическом источнике. Общее и особенное при этом имело свой местный колорит, определяемый и предшествующей историей, и сложными процессами взаимодействия.

К таким регионам особой истории в бронзовом веке можно отнести лесостепную зону Восточной Европы, внутри которой, безусловно, выделяется днепро-доно-волжский регион. Его географическое название определено сплетением крупных европейских рек. Внутри этого ареала все пронизано водными путями многочисленных более мелких речных систем. Такая географическая специфика во многом способствовала специфике исторического развития Верхнего Подонья – именно сюда, на северную окраину своей ойкумены, переместились представители одной из самых ярких и крупных культур эпохи среднего бронзового века – катакомбной культуры.

Это и определило основную цель исследования – представить комплексную характеристику выделяемого автором верхнедонского типа катакомбных памятников: бытовых и погребальных комплексов; результаты типологического анализа керамики и погребального обряда. Такой подход, по мнению автора, позволяет оценить верхнедонской тип катакомбной культуры раннего этапа; собственно, саму среднедонскую катакомбную культуру, и завершающие рассматриваемый период валиковские древности.

Увеличение базы данных практически в восемь раз, использование данных естественнонаучных методов делают работу актуальной. В исследовании использованы и материалы раскопок М.В. Ивашова.

Структура представленной рукописи состоит из введения, пяти глав, заключения, списка архивных документов и литературы, а также приложения, включающего иллюстративные результаты, демонстрирующие основные положения исследователя.

Тем не менее, отмечу, что в работе отсутствует отдельная (хотя бы в рамках параграфа) часть «Методика», автор только коротко упоминает методы во введении. Однако полагаю, что такой раздел необходим. М.В. Ивашов использует значительную источниковую базу – 177 поселений, 40 погребений, тысячи фрагментов керамики, ставя перед собой задачу их анализа. Такая источниковая база требует систематизации даже описательных признаков и подробного анализа используемых методик и подходов. Не определены четко ключевые признаки погребального обряда – их иерархия и варианты. Они присутствуют только в таблице 58. Вероятно, в таком разделе следовало бы сразу оговорить основные принципы типологии керамики и определить, каким образом на основании анализа в основном фрагментированной посуды выделяются типы, насколько они условны, являются ли они классификационными единицами, и, главное, как они связаны с типами сосудов, найденными в погребальных комплексах.

Глава 1 представляет собой историю изучения катакомбных памятников на Верхнем Дону – оценивается накопление источниковой базы и ее современное состояние, характеризуются сформированные научные исторические концепции. Автор выделяет три этапа. Осмысление региональной истории шло от систематизации материала на 1 этапе, выделении катакомбной, абашевской, репинской, воронежской (А.Д. Пряхин) и других культур, их вариантов и территории распространения на 1-3 этапах; от выделения индикаторных признаков погребального обряда (Г.В. Подгаецкий, М.И. Артамонов, Т.Б. Попова и др.) до общих концептуальных обобщений древностей Верхнего и Среднего Подонья (концепции А.Д. Пряхина, П.Д. Либерова и других). Автором показано, как менялось отношение исследователей к образу жизни местного населения – от «прочной оседлости» (П.П. Ефименко), мотыжного земледелия до пастушеского скотоводства (Г.В. Подгаецкий)

С формированием Г.В. Подгаецким концепции развития региона выделяется среднедонской вариант катакомбной культуры, а позже Т.Б. Попова уже рассматривает харьковско-воронежский вариант катакомбной культуры, В.П. Левенок оперирует термином развитый этап катакомбной культуры, а с 60-х годов XX в. учеными прочно используется термин – «среднедонская катакомбная культура». Автор работы отдельно

анализирует концепции хронологического развития региона (П.Д. Либеров, А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк и др.). Мозаичность процессов позволяла ученым выделять отдельные и самостоятельные типы (терновской, осколо-донецкий), утверждать о разном историческом финале – связи либо с абашевской (Пряхин и др.), либо со срубной (А.Т.Синюк) культурами. Влияние в разной степени, по мнению ученых, оказывали ямные, репинские и кавказские традиции.

Таким образом, в работе показано, что Донской регион, особенно Среднее Подонье, вызывал огромное внимание исследователей, анализирующих проблемы происхождения, периодизации древних культур бронзового века. Благодаря анализу ключевых, по их мнению, памятников, выделялись этапы, они привязывались к временным интервалам, начались формироваться представления о генезисе катакомбной культуры этого региона, о ее месте в системе общих катакомбных древностей.

Однако такая полифония концепций все-таки оценивала в первую очередь развитие Среднего Подонья, поэтому, как показано автором, расширение источниковой базы Верхнего Подонья определило необходимость его самостоятельного изучения и систематизации археологического источника. Итог историографического анализа объективен – необходимость оценки истории Верхнего Подонья, с учетом уже ранее высказанных и разработанных научных концепций, предложенных для Среднего Подонья, в первую очередь, концепций о происхождении среднедонской катакомбной культуры.

Основа работы – источниковый анализ поселенческих памятников катакомбной культуры Верхнего Дона, которому посвящены 2 и 3 главы, и погребальных памятников, анализ которых представлен в главе 4.

Согласно авторской позиции, все катакомбные поселения Верхнего Дона относятся к периферийным среднедонским катакомбным памятникам. Полагаю, что здесь надо было бы хотя бы кратко представить характеристику предшествующих местных культур (пережиточного неолита и энеолита), о которых потом постоянно будет идти речь при сопоставительном анализе, в первую очередь, о репинской культуре, и которые, как полагает сам М.В. Ивашов, стимулировали формирование своеобразного верхнедонского типа. Автор постулирует, что все памятники делятся на три типа, в основе типологического разделения лежит признак – орнаментация и форма посуды. Следом он оговаривается, что целых форм на поселениях практически нет.

Отмечу замечание к структуре глав, посвященных анализу бытовых памятников. Полагаю, что все-таки следует сначала приводить данные по самим памятникам, только после – анализировать керамические коллекции, ведь керамика – это только часть целого поселенческого комплекса. Ведь следом автор отмечает, что основные параметры

поселений – более менее одинаковые, а вот керамика – разная. Это и является основой для определения и типа поселения, и его хронологической позиции.

Здесь, на мой взгляд, выбран не совсем логичный подход. В историографическом обзоре автор указывает, что многие исследования были нацелены на классификацию керамики среднедонской культуры (в основном использовались сосуды из погребений). Вероятно, с долей допущения, можно было использовать те условные типы, которые были ранее выделены другими исследователями (Б.Г. Тиховым, Ю.П. Матвеевым и др.). Ведь сам автор при описании сосудов практически не отходит от таких типов сосудов, используя обычный поселенческий материал – фрагменты сосудов, обращая внимание на вариации формы венчика и горла. Возможно, именно поэтому нигде, кроме описания посуды из погребений в 4 главе, при характеристике керамики не встречен еще один важный параметр глиняной посуды – размеры. Этот признак вообще отсутствует при характеристике керамики.

Основой выделения этапов рассматриваемой культуры, а также специфических вариантов культуры в авторском исследовании становится техника нанесения орнамента и орнаментальные мотивы и композиции. Именно им автор придает особый классификационный статус, выделяя 4 типа: гребенчато-зубчатый, шнуровой, валиковый и прочерченный. Однако полагаю, что сюда должен быть включен и «жемчужный» орнамент, ведь ему придается роль хронологического (раннего) и культуuroобразующего (верхнедонской, терновской типы) признака.

Далее исследователь анализирует бытовые памятники в рамках трех выделяемых последовательных этапов, используя в качестве хронологического признака типы орнаментации сосудов.

При характеристике памятников раннего этапа автор особое внимание уделяет терновскому и верхнедонскому типам. Именно такие материалы и являются результатом взаимодействия ямных, репинских и катакомбных традиций в регионе. В этом разделе, вероятно, не стоило сразу делать вывод, что анализируемые памятники – это временные стойбища. Все-таки такой вывод должен основываться на результатах специализированного анализа. Возможно, логика рассуждений была бы более отчетливой, если за основу анализа были бы взяты такие памятники, сохранность всех внутренних признаков которых позволила бы выделить те признаки, которые в дальнейшем можно было бы оценивать как ключевые или второстепенные (региональные, хронологические), необходимые, в итоге, для оценки всего комплекса бытовых памятников. К таким признакам можно отнести: 1) топографию поселения; 2) площадь поселения; 3) внутреннюю планиграфию и т.о. планировку построек; 4) конструкцию жилых построек;

5) внутрижилищные постройки. Для каждого признака следовало бы определить главные параметры (например, размеры, детали интерьера, возможно, где-то, конструктивные детали). Такие данные (типы построек – полуземлянки, наземные столбовой конструкции) в авторском исследовании есть, но они разбросаны по всему тексту. Хотелось бы, чтобы были добавлены данные о стандартах размеров, деталях внутреннего интерьера, например, очагах (внутренние, открытые, прокаленные блюда и т.д.) Например, пять таких признаков появляются только в параграфе 3 главы 3, когда автор анализирует хозяйственный уклад катакомбного населения Верхнего Дона. При анализе поселений Замятино 10, Студеновка-3, Терновое, Ксизово видно, что такие памятники могли бы стать «пилотными» при анализе поселений, сохранность культурного слоя и материалы которых, удовлетворительная и где не сохранились все признаки в полном объеме.

В связи с этим такие важные признаки как жилые постройки в виде полуземлянок, хозяйственные ямы, очаги – то, что делает памятник поселенческим, или бытовым, как считает автор, должны учитываться при характеристике поселений.

При таком подходе керамика, безусловно, также займет важное, и, вероятно, ключевое место, с помощью чего автор и будет после проведенного анализа оценивать и тип памятника, и его хронологическую позицию.

Тем не менее, проделанный анализ многочисленных поселенческих памятников и материалов, происходящих из них, позволил М.В. Ивашеву выделить три последовательных хронологических этапа, основными маркирующими признаками которых автор считает типы керамики, в первую очередь, их орнаментацию.

Анализ керамики позволил автору подтвердить ранее высказанные гипотезы и высказать новые. Все они позволяют отметить, что история заселения Верхнего Подонья была сложным многокомпонентным процессом, в котором принимало участие и местное население, и постоянные «волны» разнообразных катакомбных групп – донецкой, среднедонской катакомбной. Сложный культурный процесс выразился в заимствованиях и замещениях разных культурных парадигм, наиболее ярко отразившихся, по мнению М.В. Ивашова только в керамических коллекциях.

Здесь следует все-таки высказать еще одно замечание. Как бы ни было мало найдено на поселениях других, кроме керамики, материалов – орудий труда и, возможно, оружия, следовало бы представить хотя бы короткий их анализ, ведь именно комплекс орудий свидетельствует, как и другие данные - в первую очередь, кости животных и археоботанические остатки, о хозяйственной направленности населения, оставившее такие археологические памятники. В тексте есть лишь упоминания о других артефактах и

представлены рисунки без расшифровки (см. рис.43-44, 47). О предметах, сделанных из металла, костяных и каменных мотыгах речь пойдет только в параграфе 3 главы 3.

Осваивая новые экологические ниши – многочисленные речные сети Верхнего Подонья, человек катакомбной культуры постарался использовать все их природные ресурсы, подстроив свой экономический потенциал под новую природную среду. Этому посвящено содержание 3 главы, в которой М.В. Ивашов подробно рассматривает физико-географические условия местообитаний и топографию проанализированных поселений. Его задача показать, что передвижение на север групп катакомбного населения, вызванная, вероятно, многими факторами, проходило как последовательное проникновение и освоение новых территорий. Таким образом, признак «топография» поселения становится ключевым при определении типа бытовых памятников (его функционального назначения), тогда как тип орнаментальных композиций остается главным хронологическим репером.

Среди таких главных факторов в самом конце III тыс. до н.э. автор справедливо считает фактор экологический – реальная экологическая катастрофа этого времени, запечатленная в «памяти» культурных слоев многих археологических (поселений, курганов) и природных (погребенные почвы) памятников. Такое природное потрясение вызвало необходимость реакции на перемены, и население потянулось на север – в те природно-климатические условия, которые оказались наиболее приближенными к тем, которые подверглись максимальному изменению в ходе аридизации климата. Как отмечает М.В. Ивашов, свыше полутысячи небольших рек обеспечивали решение проблемы ежедневного водопоя, а высокая продуктивность разнотравно-злаковых пастбищ, в том числе заливные луга, расположенные на черноземах этого региона, были чрезвычайно привлекательными для новопоселенцев – представителей катакомбных культур, основу жизнедеятельности которых составляли подвижные формы пастушества. Однако высота снежного покрова все-таки здесь оставалась высокой. Вероятно, именно это с самого начала определило «сезонность» многих местообитаний. Тем более что извилистость речной системы – многочисленные коленообразные изгибы, способствовали формированию естественных пастбищ - в пойме и на низких террасах. Сами поселения возникали над угодьями – на высоких мысах.

Автор выделяет два типа поселений, в зависимости от их топографии: первые и вторые террасы, высокие мысовые участки занимали стационарные поселки, поймы и низкие террасы – сезонные промысловые стойбища.

Хотя автор использует мнение коллег, все-таки существует давно апробированная методика определения сезонности археологических памятников. Без ее применения при

анализе разнообразного поселенческого материала (дентиновый и цементный анализ зубов животных и возраст забитых животных; пыльцевой спектр закрытых комплексов; изотопный состав животных и т.д.) это положение остается пока только гипотезой. Мне кажется, что не совсем верно использование термина «промысловое стойбище», которое в исторической и этнографической литературе все-таки характеризует местообитания охотников и рыболовов. Термин «сезонная стоянка» более корректный. Не совсем ясно, почему на стр. 99 вдруг автор оценивает хозяйство изучаемого населения как хозяйство, значительную роль в котором занимали присваивающие формы. Приведенные данные (кости животных, анализ предметов материальной культуры, в первую очередь, предметов, связанных с охотой, рыболовством и собирательством), которые позволили ли сделать такое заключение, в работе ограничены.

Предшествующий анализ поселений в главе 2 (планиграфия, внутренний интерьер жилищ) позволил автору высказать предположение, что планиграфия таких поселков, наличие нескольких очагов внутри жилищ и на открытых площадках, маломощный культурный слой может указывать на сезонность посещения удобных для временного проживания площадок. Вероятно, свидетельством такой системы жизнепользования является и само количество обнаруженных в Верхнем Подонье поселений – их насчитывается несколько сотен, в некоторых, вероятно, наиболее благоприятных в исследуемое время микрорегионах (например, бассейн р. Усмань), они рассыпана вдоль всего русла и, вероятно, фиксируют постоянное временное обитание, возможно, одной или нескольких групп катакомбного населения на протяжении довольно длительного времени.

В перспективе, безусловно, хочется пожелать автору исследования выбрать на небольшом тестовом участке лесостепи несколько поселений, и, разработав очень подробный алгоритм исследования, включающий и методику определения сезонности археологического памятника, проверить это положение.

Еще одно замечание – необходимо обязательное соотношение хронологии изменения природных событий и хронологии археологических культур. Иначе появляются такие несоответствия, как период «стадии засушливого климата и развития лугово-черноземной солонцевой почвы (4200-3700 л.н.) (стр.89).

Проведенный М.В. Ивашовым анализ позволил определить северную границу проникновения носителей катакомбной культуры в Верхнее Подонье, наиболее освоенный микрорегион – бассейн р. Воронеж. Вывод о постепенном расширении освоенной зоны можно трактовать как процесс оседания части населения в этих регионах и формирования новой системы сезонного землепользования в рамках летних и зимних пастбищ. Автором

показано изменение исторической ситуации в финале катакомбной эпохи, выразившееся в смене населения – в регионе появляются представители абашевской и срубной культур.

Заключительный параграф этого раздела посвящен реконструкции хозяйственного уклада катакомбного населения. Автор полагает, что основу системы жизнеобеспечения катакомбного населения исследуемого региона было скотоводство, ориентированное на разведение крупного рогатого скота, а также рыболовство, охота и земледелие. Им приводятся следующие доказательства.

Это топография поселений, которая позволяет выделить сезонные стойбища, промысловые стойбища, заливные пастбища и земледельческие угодья. Сразу отмечу, что для таких выводов, особенно, касающихся земледелия, нужны серьезные доказательства. Это степень насыщенности культурного слоя, который может быть признан как результат краткого местообитания. Однако, полагаю, что это заключение должно быть подтверждено серией ^{14}C данных, укладываемых в короткий временной интервал. Наконец, это наличие архитектурных построек. Отдельно рассматриваются данные о металлопроизводстве.

Полагаю, что анализ остеологических материалов должен стать вторым дополнительным направлением анализа поселенческих материалов в будущем.

Вывод о разведении крупного рогатого скота и об особом направлении животноводства был сделан только на основании анализа остеологических материалов I Ксизовского поселения. Отметим, что на степной территории преобладают материалы, скорее, соответствующие иной направленности скотоводства – разведению овец/коз. Сам автор ссылается на материалы Е. Антипиной и отмечает минимальное доленое участие костей диких животных (Балахнинское поселение). О какой охоте тогда может идти речь в системе жизнеобеспечения катакомбного населения. Такой вывод можно принять пока только как рабочую гипотезу.

Проблема земледелия также остается проблематичной, особенно, в связи с тем, что на многих поселениях слой перемешан и поверх катакомбных слоев располагаются слои более поздних культур. Присутствие зерен культурных злаков без ^{14}C датирования не может считаться признаком наличия земледелия. Следует применять другие методики, которые позволяют оценить долю растительных компонентов в системе питания верхнедонского населения этого времени и реконструировать, таким образом, ту сферу экономики, которая могла быть связана с добычей или производством растительной пищи. Таким образом, как правильно отвечает автор исследования, вопрос о начале земледелия в этом и других регионах степи и лесостепи остается открытым и нуждается в дополнительных фактах.

Глава 4 посвящена анализу погребальных памятников. Как уже отмечалось, основное предложение к этому разделу - введение признаков погребального обряда, выделение ключевых и второстепенных признаков, с оценкой вариативности частоты (погребальные конструкции (тризны), захоронения одиночные, коллективные, форма могилы и ее размеры; интерьер могил; положение и ориентировка скелета, использование пигментов, и т.д.) (частично они представлены только в таблицах). Такой методический подход сделал бы анализ погребального обряда более четким, возможно, позволил бы выделить микрорегиональные погребальные традиции, их изменение во времени, а сопоставление грунтовых и подкурганых захоронений (две группы по М.В. Ивашову) по таким признакам, показало бы схожесть и различие двух традиций и, в конце концов, позволил бы автору увязать разные типы погребений с разными (семейными?) группами. Тем более что в главе 5 некоторые признаки погребального обряда (Т-катакомбы, южная ориентировка, жаровни, охра и т.д.) автор использует для выделения ранних комплексов.

В заключении главы подводится итог анализа погребального обряда, выделяются типы и подтипы грунтовых и подкурганых захоронений. В основе их выделения лежит форма могилы (яма, катакомба) и положение умершего (на спине вытянуто, на спине скорченно).

Заключительная глава 5 посвящена месту верхнедонских памятников катакомбного времени в системе региональных памятников эпохи средней бронзы. Основной вывод заключается в констатации сложных многокомпонентных взаимоотношениях представителей донецкой катакомбной, репинской и ямной культур. Это нашло отражение в появлении специфических памятников – терновского и верхнедонского типов. Взаимовлияния катакомбного населения следующего этапа связано с воронежской культурой, на финальном этапе в историческую канву вплетаются абашевское и срубное населения. Все эти межкультурные взаимоотношения и определили специфику изучаемого региона в исследуемый период.

Вопросы абсолютной хронологии рассматриваемых культур более сложны. Они основаны на относительной хронологии целого ряда культур, их синхронизации, и, в первую очередь, на верифицированных ^{14}C калиброванных данных. Однако, как оказалось, при анализе радиоуглеродных дат археологических объектов часто возникает сложность их интерпретации, и отношение к полученным результатам выражается в том, что такие данные – полученный радиоуглеродный возраст датируемого образца – считают ошибочным, противоречащим системам относительной хронологии, ведь на радиоуглеродный возраст образцов могут оказывать разные факторы. В связи с этим возникают противоречия, несоответствия, которые следует разрешать, используя те ^{14}C

данные, которые проверены перекрестным датированием разных углеродосодержащих образцов, происходящих из одного контекста. Обсуждение достоверности радиоуглеродных дат стало темой многих докладов и статей.

В работе приводятся данные по керамике, полученные в Киевской лаборатории. Однако при датировании керамики необходимо четко представлять источник датируемого углерода, а при отборе образца собственно керамического фрагмента проводить тщательную очистку от адсорбированных на поверхности посторонних примесей. При определении возраста нагаров и остатков пищи необходимо контролировать процедуру датирования смежными методами – микроскопическими, изотопными исследованиями, проверяя возможность влияния на результаты резервуарных эффектов и для того, чтобы внести поправку на изотопное фракционирование. Такие данные необходимо приводить при верификации ^{14}C возраста данных, полученных по фрагментам керамики.

Даты, полученные по кости человека в лаборатории СПГУ имеют такую значительную ошибку, что, вероятно, не могут считаться достоверными.

Тем не менее, главный вывод, полученный автором, - территория Верхнего Подонья осваивалась одновременно с бассейном Среднего Дона.

В заключении М.В. Ивашов подводит итоги исследования. Он выделяет три хронологических этапа в развитии катакомбной культуры Верхнего Подонья; определяет специфические особенности топографии поселенческих памятников, выделяет специфический верхнедонской тип катакомбной культуры с характерным «жемчужным» орнаментом на керамике. Не совсем ясен вывод о доминировании присваивающих форм в экономике катакомбных групп (стр.167), ранее утверждалось, что рыболовство и охота играли второстепенную роль. Финал культуры связан со сложными взаимодействиями с абашевской и срубной культурами.

Все высказанные замечания, безусловно, носят рекомендательный характер, автор собрал и проанализировал очень весомую источниковую базу: поселенческие и погребальные комплексы, вещевой инвентарь. Высказанные замечания, скорее должны направить автора на уточнение и корректировку представленных данных и проверку высказанных гипотез.

Основные положения и выводы диссертации М.В. Ивашова нашли отражение в многочисленных статьях, в том числе в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК. Автором опубликовано 27 научных работ по теме диссертации. Текст автореферата диссертации полностью соответствует основному тексту диссертации.

Характер и объем проделанной работы, использованные в ней методы и результаты, полностью отвечают требованиям п.9 «Положения о присуждении ученых

степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Максим Валентинович Ивашов заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 - археология.

Заведующая отделом Археологических памятников
Федерального государственного бюджетного учреждения культуры
«Государственный исторический музей»
доктор исторических наук

Шишлина Наталья Ивановна

10 сентября 2015 г.

109012, Россия, г. Москва,
Красная площадь, дом 1, Исторический музей
Тел.: (495) 692 05 43
E-mail:shm@shm.ru
<http://shm.ru>

Подпись руки Н.И. Шишлиной
удостоверяю
Симонишвили